

Яна Ли

ТРЕСКУН

Яна Ли
Трескун

«Автор»

2026

Ли Я.

Трескун / Я. Ли — «Автор», 2026

Группа друзей отправляется в уединённую деревню, чтобы встретить Новый год вдали от городской суеты. Но за гостеприимство местных жителей приходится платить. Когда герои понимают, что стали очередной жертвой, у них остаётся лишь одна ночь до рассвета, чтобы разорвать вековой договор. Но цена свободы может оказаться страшнее самой смерти.

© Ли Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Трескун

Глава

1.

Это должны были быть идеальные праздники. Уединённый домик с банькой на окраине Трескачёво, сугробы по крышу и настоящая тишина. Мы приехали днём: я, Лариска, Серёга и Танька. Местные встретили вполне дружелюбно, но их улыбки казались натянутыми, а взгляды настороженными. Впрочем, куда нам, городским, понимать деревенские нравы.

Старушка в пуховом платке, копошившаяся у колодца, при виде нашего джипа испуганно перекрестилась. Хозяин дома, передавая ключи, сунул Серёге в руку кусок чёрного хлеба, спичечный коробок соли и ржавый гвоздь.

— На всякий случай, — буркнул он, не поднимая глаз. — На печку положите. И после заката... лучше из избы не выходите. Мороз дюже крепкий.

Мы посмеялись тогда. Прямо уж такой и мороз — минус десять. Но к вечеру температура за окном действительно изменилась. Столбик термометра уверенно пополз вниз, остановившись на отметке минус сорок. Поднявшийся ветер завывал и шуршал по стенам, словно живой зверь, ищущий лазейку внутрь.

* * *

Следующим вечером нас, как дорогих гостей, пригласили в деревенский клуб на новогоднее гуляние. Народу было много, музыка звучала вполне бодрая и современная. Только вот присутствующие вели себя как-то странно. Двигались резко и натужно улыбались. Я подошёл к местному заводиле Владу.

— Чего народ у вас какой-то дёрганный сегодня? Мороз, что ль так действует? — пошутил я.

— Не мороз. — прошипел он мне в ухо. — Это... Трескун. Жертву к утру требует. Чтобы год грядущий тихим был. Чтобы снег укрыл... всё лишнее.

Влад натянул улыбку и спрятал от меня свой странный взгляд. Потом сделал вид, что заметил кого-то знакомого, и быстро скрылся в толпе.

Вернувшись в дом, мы пили чай, смеялись и подшучивали над странностями местных. Танька, самая впечатлительна, вдруг выдала:

— А вы заметили, что все двери в деревне выкрашены в синий? Даже у сараев. И на всех странные железные засовы с внешней стороны.

Вроде и ничего особенного, но по спине пробежал холодок. Я вспомнил, что и наш дом был заперт на такой же засов. Но списал это на страховку от сильных ветров, которые, похоже, здесь не редкость.

* * *

В три часа ночи я проснулся от странного звука. Это был явно не ветер. Скрип, похожий на то, как трещит лёд под ногами на едва застывшей реке. Я подошёл к окну и ладонью растёр на стекле иней.

Посреди пустого заснеженного поля, освещённого лунным светом, стояло высокое и тощее нечто. Его тело, слеплённое из теней и спрессованного снега, колыхалось странным маревом. Лица не было — лишь тёмная впадина под ледяным капюшоном. Воздух вокруг него дрожал и, казалось, трескался от лютого мороза. Этот оглушительный треск и раздавался на всю округу.

Он не двигался, а просто смотрел. И я понял, что его безликий взор устремлён не на деревню, а именно на наш домик.

Пронизывающий ужас достиг кончиков волос. Хлеб, соль, гвоздь, засовы. Нас не приютили. Мы и были той самой «жертвой», что деревня отдавала духу в обмен на ещё один год покоя. Слова про Трескуна были не шуткой. Они были приговором.

Ребята спали. В панике я метнулся к двери и вдруг услышал, как что-то железное и тяжёлое ухнуло о косяк. Нас заперли. Намеренно заперли снаружи.

В окне что-то мелькнуло. Ледяной великан медленно поднял свою огромную, как гигантская сосулька, руку. От его пальцев по застывшему воздуху стремительно пополз иней. Он мгновенно добрался до стены, и окно закрылось плотной коркой льда. В доме резко похолодало. Дрова в печи зашипели и затухли.

И тогда послышался странный голос. Он был соткан из тысячи звуков: скрипа снега, шёпота метели, воя в трубе, стона замёрзших стволов деревьев. Всё это переливалось, пока не слилось в одну различимую фразу у меня в голове:

«Год... кончается... Отдай... последнее...»

Вдруг из спальни раздался крик Ларисы. Я бросился туда. Она стояла у окна, белая как снег, и замороженно смотрела на улицу.

— Он зовёт меня, — прошептала она не своим голосом. — Говорит, я буду вечно красивой... как это узор на стекле.

Щупальца инея уже просачивались сквозь щели в раме и тянулись к её лицу. А она не сопротивлялась. В глазах Ларисы была пустота и странное блаженство.

Это и было то «последнее», что желал дух. Не жизнь, а радость, тепло и память — то, что делает человека живым. Трескун забирал душу, оставляя лишь вечную, прекрасную оболочку, словно ледяную куклу. Так, деревня из года в год кормила духа, заманивая чужаков объявлениями об «идеальном новогоднем отдыхе».

Я не помню, как схватил с печки тот самый ржавый гвоздь и вонзил его в ползущую ледяную паутину. Раздался звук треснутого стекла. Иней отступил, и в окне на миг снова показалось поле. Трескун по-прежнему стоял там. Но теперь его ледяной лик был обращён прямо ко мне. И в этой пустоте я прочёл бездонный, ненасытный голод. Обещание, что утро для нас не настанет.

Стрелки часов над кроватью вдруг дёрнулись и побежали вспять, к полуночи.

Петля кошмара замкнулась. У нас снова есть время до боя курантов. Но за окном — минус сорок, двери наглухо заперты, а деревня Трескачёво, притворяясь спящей, уже отпраздновала нашу гибель. Они молятся, чтобы к утру с нами было покончено. Чтобы сытый Трескун уснул до следующего декабря.

И теперь я не знаю, что страшнее: ледяное прикосновение пожирающего духа или тихий, всеобщий вздох облегчения, который повиснет над деревней, когда мы умрём.

2.

Я схватил гвоздь с печки и вонзил его в ползущую по полу ледяную паутину. Та с хрустом и недовольным шипением отступила. На миг.

Лариса рухнула на колени, хватая ртом воздух, словно её только что вытащили из ледяной проруби. Из соседней комнаты, разбуженные шумом, выскочили Серёга и Таня.

— Что происходит? Что ты делаешь?! — закричал Сергей, увидев гвоздь в моей руке.

— Они заперли нас! — прохрипел я, сдавленным от испуга голосом. — Эти засовы снаружи! Мы — жертвы. Подношение для него.

Объяснять было некогда. Я рванул занавеску на окне. Трескун не исчез. Он сместился ближе. Морозное марево вокруг него разрослось, искажая пространство. Мгновение — и дух

уже стоял у крыльца. Тень его тощей фигуры легла на ступеньки, и доски мгновенно покрылись пушистым инеем.

— Это бред какой-то, — пробормотал Сергей с заметной дрожью в голосе. Он метнулся к окну в спальне, посмотреть на свой внедорожник. Лобовое стекло было покрыто сложным, витиеватым морозным узором. Но не снаружи, а изнутри салона.

— Он уже здесь, — испуганно прошептала Таня, пятясь к печке. — Он не за дверью. Он везде, где холод. В самом воздухе.

В этот момент погас свет. С противным металлическим скрежетом остановились часы. Стрелки замерли без пяти минут полночь. В густой, давящей тишине послышался голос. Он исходил отовсюду: из-под пола, от стен и печки, словно говорил сам дом.

«Время... вышло. Давно вышло. Вы последние из тех, кто помнит тепло. Отдайте его. И станьте частью вечной тишины».

Лариса вдруг выпрямилась. Её глаза стали пустыми и блестящими, как лёд.

— В тишине так спокойно, — сказала она чужим, мелодичным голосом и потянулась рукой к узору на стекле.

Меня осенило: дух не убивает. Он переделывает. Вымораживает душу, память, страх, оставляя лишь покорную оболочку. Вот откуда эти странные взгляды и натянутые улыбки местных. Выходит, Трескун давно их «съел». А некоторые, вероятно, когда-то были такими же гостями, которые не смогли сопротивляться.

— Хлеб! Соль! — вдруг крикнула Таня, сообразив быстрее всех. — Это не просто приветственные подношения от хозяина!

Мы бросились к печке. Горбушка хлеба, щепотка соли и ржавый гвоздь — примитивные, деревенские обереги. Я кинул соль на угли. Раздалось резкое, злое потрескивание, по дому прокатилась волна тепла, короткая, но весьма ощутимая. Иней на окнах поплыл, открыв взору бездонную ночь.

Но это было лишь мгновение. Чуть показавшееся пламя тут же погасло. Тем временем за окном творилось что-то странное: щеколда на синей двери соседнего дома сама приподнялась и отскочила.

— Они не заперты! — воскликнул Сергей. — Они открываются, когда мы используем обереги!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.